

Тайгу, Восточный континент, городок Циншань.

Городок невелик, прохожих на улицах мало. Среди убогих лачуг с соломенными крышами поместье Линь, выстроенное из кирпича и черепицы, словно журавль среди кур, возвышалось над остальными. Семья Линь была здесь самой влиятельной, единственным родом заклинателей в округе. За долгие годы, приумножая состояние, нажитое предками, они превратились в настоящих хозяев Циншаня. У ворот замерли двое дюжих молодцов с саблями на поясах, свирепыми взглядами провожая робких прохожих.

В главном зале поместья Линь круглый год гремела музыка и лилось вино, но в самом дальнем, заброшенном уголке притаился крошечный дворик, огороженный покосившимся плетнем. Тишина здесь была гнетущей, под окнами не росло ни цветка — всё выглядело донельзя жалко. Это был самый глухой задний двор, пристанище Ло Тинсуй и её матери.

Тинсуй с детства жила здесь с матерью, которую считала самой прекрасной, но при этом самой несправедливой обиженной женщиной на свете. Семья Линь из поколения в поколение культивировала духовный корень земли, будучи сильнейшим родом с чистой стихией во всем городке. Но Тинсуй была другой: она не унаследовала духовного корня, пошла в мать, за что отец её невзлюбил.

К тому же в год её рождения небо окрасилось в багрово-черные тона, а воздух пропитался смрадом крови. Говорили, что великие мастера не смогли предсказать небесные знамения, а потому объявили тот год временем бедствий. Ребенок, родившийся в тот час, считался воплощением напасти. Тинсуй, появившаяся на свет именно тогда, стала для всех жителей предвестником несчастий. Глава семьи Линь хотел избавиться от младенца, но мать Тинсуй ценой невероятных усилий защитила дочь, из-за чего глава возненавидел и её. С тех пор их сослали в этот дворик, где даже входная дверь толком не закрывалась.

Когда Тинсуй подросла, она проявила выдающийся талант к совершенствованию. Несмотря на отсутствие духовного корня, к семи годам она уже достигла стадии возведения фундамента, намного опередив старшего брата, которому для этого потребовалось пятнадцать лет. По идее, для рода заклинателей это было благословение, но главная супруга, снедаемая завистью, нашептала мужу, что Тинсуй — исчадие бедствий, а её быстрый прогресс вызван использованием запретных, еретических техник. Ограниченный глава семьи поверил в этот бред и на следующий же день уничтожил культивацию дочери.

Тинсуй, хоть и была полна негодования, не могла сопротивляться. С того дня, чтобы хоть как-то обезопасить себя, она стала предельно осторожной. Потребовалось три года, чтобы заново достичь стадии возведения фундамента, и с тех пор она тщательно скрывала свою силу. Впрочем, не было бы счастья, да несчастье помогло: она поняла, что духовный корень у неё всё же есть, просто он не принадлежит к обычным стихиям. Казалось, это был... свет. Поэтому, даже обладая энергией, способной оставлять следы на камне, она не могла явить миру видимых глазу проявлений силы. Позже она решила, что из-за низкого уровня её мощь просто недостаточно велика, чтобы обрести форму.

Их забыли, их игнорировали, но именно в этом было их спасение. Никто не обращал внимания

на «неудачницу», чьё присутствие было почти незаметным. Никто и подумать не мог, что у неё хватит упорства начать всё сначала, поэтому никто не догадался о её тайне. Надежды на других не было, и если она не возьмет судьбу в свои руки, всё будет тщетно. Она не могла допустить, чтобы с матерью что-то случилось, поэтому обязана была обрести силу для её защиты.

В повседневной жизни её статус был ниже, чем у детей любимых слуг, поэтому ей не нужно было соблюдать этикет. Она жила подобно бездомной кошке в углу, о которой никто не вспоминал. Это давало ей свободу: она могла практиковаться, выбираться на окраину леса, где водятся звери, и добывать что-то ценное для продажи на рынке.

Сегодня ей повезло: с помощью невидимых световых клинков она убила высокоранговую духовную крысу. От этого зверя полезны были только зубы — из них получались отличные кирки для простолюдинов, которые служили поколениями. Тинсуй принесла их в Павильон наград. Как она и рассчитывала, за них дали тридцать медных духовных монет. С учетом её двадцати с лишним накопленных, этого как раз хватало на кольцо-хранилище, чтобы спрятать свой железный меч.

В павильоне как раз выступал рассказчик, повествующий о том, как десятки тысяч лет назад явился Морской бог и даровал людям спасительный дождь. Тинсуй стало интересно, и, видя, что времени еще много, она присела послушать.

— ...Легким взмахом широких рукавов он призвал небесную влагу, даровав жизнь всему существу!

Голос рассказчика то затихал, то взмывал вверх, создавая эффект присутствия. Тинсуй слушала, затаив дыхание, словно наяву видела того самого Морского бога из легенд. В павильоне раздались одобрительные возгласы, но не успел рассказчик закончить, как в разговор вмешался резкий голос:

— Эй, рассказчик, если всё было так чудесно, почему же в тот год бедствий она не спустилась с небес и не забрала ту, что приносит нам одни несчастья?

Тинсуй вздрогнула и инстинктивно спряталась. Она узнала голос младшей сестры, Линь Цинъюй. Эта девица была так же завистлива, как и её мать. Нельзя позволить ей узнать, что она была в павильоне! Тинсуй поспешила уйти, но её выдал сидевший рядом посетитель:

— Третья госпожа Линь, разве прилично говорить такое в лицо человеку?

Цинъюй не терпела возражений. Она свирепо зыркнула на мужчину:

— Не твоего ума дело! Где она? Я никого не вижу!

Мужчина огляделся и озадаченно пробормотал:

— Только что сидела рядом, куда же она подевалась...

Когда Тинсуй вернулась домой, мать сидела у входа и шила одежду из белоснежной ткани отличного качества. Услышав шаги, она обернулась и ласково улыбнулась:

— Асуй, посмотри, нравится ли тебе этот отрез?

Тинсуй подошла и согласно кивнула:

— Матушка, мне всё, что вы шьете, нравится. И любая ткань по душе.

Мать нежно поцеловала её в лоб:

— Какая ты у меня сладкоголосая, опять маму ублажаешь?

Тинсуй покачала головой и достала дешевые сладости, купленные по дороге:

— Вот это — чтобы порадовать маму.

Мать сначала опешила, а потом просияла:

— Ах ты, хитрая лисичка, где же ты их взяла?

Тинсуй загадочно улыбнулась, умолчав о лесе и охоте — не хотела волновать мать, сказав, что заработала на рубке дров. Мать откусила кусочек. Сладости были дешевыми, сахара в них почти не чувствовалось, но она была счастлива. Поев, она вздохнула:

— Это я тебя тяну на дно. Если бы не я, ты, которая во всем превосходишь детей из главных ветвей семьи, не терпела бы таких унижений. Как дошью платье, сделаю тебе из остатков кисточку для меча, как тебе идея?

Тинсуй поспешила отговорить её:

— Нет, матушка, это они верят глупым слухам. Мне достаточно того, что мы вместе, даже в нужде. Не говорите так. А кисточка — это будет замечательно!

Мать кивнула:

— И правда, глупости! Среди наших предков были те, кто вознесся! Какое же мы воплощение бедствий? Вздор!

Услышав это вновь, Тинсуй не удержалась от улыбки:

— Матушка, вы опять за свое. Те предки жили столько лет назад, к чему вспоминать?

Прошли десятки тысяч лет. Как и в истории про Морского бога, рассказанную в павильоне, всё их семейное предание начиналось со слов «десятки тысяч лет назад...». Столь долгое время способно стереть любые следы. И какая им, потомкам, от того польза?

В отличие от теплой атмосферы в лачуге, вернувшись в поместье, Линь Цинъюй вдруг почувствовала неладное. Это был Павильон наград, а у Тинсуй даже культивации нет — как она могла забрести так далеко? Чем больше она думала, тем подозрительнее это казалось. Она побежала к матери:

— Мама! Как думаешь, не начала ли та Ло Тинсуй снова тайком практиковаться?

Линь Шаохун, услышав это, всполошился:

— Как она посмела! Отец же запретил ей заниматься! Мама, ты должна во всем разобраться!

Будучи юношей, он не видел того года бедствий и знал от матери, что всё это было лишь способом обмануть отца. Больше всего его пугало, что Тинсуй может оказаться сильнее его — гордости молодого поколения семьи Линь.

Главная супруга, госпожа Лю, тоже встревожилась. Красота матери Тинсуй всегда была ей как кость в горле. С таким трудом удалось их принизить — нельзя допустить, чтобы они подняли головы. Она послала слуг разузнать, что именно делала Тинсуй. Ответ поверг их в шок: Тинсуй не только достигла стадии возведения фундамента, но и накопила пятьдесят медных монет, купив кольцо-хранилище!

Госпожа Лю была в ярости: на содержание их с матерью выделяли всего пять монет в месяц, откуда у неё пятьдесят?

— Да чего тут гадать! Очевидно, ходила в лес убивать зверей! — фыркнула Цинъюй.

Шаохун сверкнул на неё глазами:

— Не твоего ума дело! — Он сам не осмеливался ходить в лес в одиночку. Чьей поддержкой заручилась эта девчонка? Он сжал зубы и повернулся к матери: — Мама, нужно что-то делать!

Госпожа Лю ударила по столу:

— Эта дрянь оказалась такой амбициозной. Что ж, раз она не видит гроба, не плачет, посмотрим, как долго продлится её прыть!

Наступила ночь. Глава семьи Линь ужинал с сыном, обсуждая его успехи в совершенствовании. Когда трапеза подходила к концу, госпожа Лю вытерла рот:

— Господин, к чему вам это? У нас в доме скоро случится беда!

Глава Линь пришел в ярость:

— Что ты мелешь, женщина!

Лю залилась слезами:

— Я лишь хочу предупредить вас! Та звезда бедствий снова взялась за еретические практики! Говорят, она уже достигла больших успехов, а раз прогресс такой быстрый — значит, путь несправедливый! Если вы не вмешаетесь, не миновать нам великой беды!

Она рыдала весьма убедительно, хотя всё сказанное было ложью. Глава Линь, слепо веривший ей, взревел:

— Позвать сюда эту маленькую тварь!

Когда Тинсуй, отложив недоеденную лепешку, предстала перед ними в главном зале, она молча смотрела на рыбу и мясо на столах. В следующую секунду её накрыло мощное давление. Тинсуй не удержалась и, опустившись на одно колено, выплюнула сгусток крови.

— Мерзавка! — глава Линь ударил по столу. — Ты посмела практиковаться?! Мало тебе было прошлого урока?!

Тинсуй дрожала от гнева, но не смела злить этого человека. Он был на средней стадии Золотого ядра, и её сил было недостаточно, чтобы противостоять ему. Если она выведет его из себя, он снова уничтожит её культивацию. Три года! Три года она не знала ни отдыха, ни покоя, чтобы снова достичь фундамента — она не могла позволить ему всё разрушить!

Видя её молчание, глава Линь пришел в еще большую ярость. Мать Тинсюй, прибежавшая следом, бросилась в ноги:

— Господин! Господин, пощадите Асюй! Она больше не будет практиковаться!

Спокойствие Тинсюй наконец дрогнуло. Она тут же поднялась, чтобы помочь матери встать. На почетных местах сидели её родные, но их презрительные взгляды сейчас напоминали ей чудовищ из сказок рассказчика: безжалостных, коварных и неспособных вынести чужого счастья.

<http://bllate.org/book/19690/1936748>